

## # Глава 14

Понимая, что переупрямить Истукана с ходу не выйдет и они просто увязнут в бесконечных спорах, Ли Чэнь решил пока сменить тему. Наклонившись ближе, он ткнул того локтем в бок:

— Да прими ты уже.

Цзо Хэн достал телефон и открыл приложение.

В списке висел новый запрос на добавление: «Это Ли Чэнь».

Никнейм состоял из двух букв — «LC», инициалов Ли Чэня. Лаконично и предельно понятно.

На аватарке стояло фото местной достопримечательности — школьного кота-коровы в том самом матросском костюмчике, надевавшем столько шума. Судя по всему, аватарку сменили совсем недавно.

Цзо Хэн хотел было сразу нажать «Принять», но промахнулся и случайно тапнул по самой картинке, перейдя в профиль LC.

Статус гласил: «Бессмертный персика сажает персиковый сад, сорвёт цветы и на вино обменяет».

Строчка из стихотворения Тан Иня.

— Почему именно эта фраза? — вслух спросил Цзо Хэн.

Ли Чэнь с нетерпением ждал, пока Истукан добавит его в друзья, а тот увлёкся чтением статусов. Ли Чэнь уж было хотел возмутиться, но вовремя вспомнил, как сам не так давно с выражением декламировал статусы Цзо Хэна. Поняв, что морального права на протест у него нет, он быстро отчеканил:

— Ездил в путешествие, когда только перебрался сюда. Забыл уже, в каком именно храме или парке это было выбито. Никакого скрытого смысла, просто показалось, что звучит очень беспечно и раздольно. Ну всё, теперь ты знаешь. А теперь давай нажимай.

Беспечно? Цзо Хэн был с этим не совсем согласен. Ему казалось, что за этой поэтичностью скрывается глухая, едва сдерживаемая досада. Впрочем, в чужих эмоциях он разбирался из рук вон плохо, а потому не стал делиться сомнениями. Вернувшись к окну запроса, он нажал на кнопку подтверждения.

Есть!

Указав пальцем на вспыхнувшую надпись: [Запрос на добавление в друзья принят. Теперь вы можете начать общение], Ли Чэнь загадочно подмигнул Цзо Хэну:

— Смотри-ка, сам мессенджер подтверждает, что ты мой друг. Скажи, волшебство?

И где тут волшебство? Разве это не стандартное системное уведомление?

Цзо Хэн искренне не понимал.

Впрочем, Ли Чэнь тут же сменил тему:

— Так что ты не имеешь права ставить мой чат на «Без звука».

Логический переход был настолько внезапным, что Цзо Хэн на мгновение задумался.

На самом деле Ли Чэнь ни на что особо не рассчитывал. Все правила и привычки Истукана — по крайней мере те, о которых Ли Чэнь успел узнать, — имели под собой весьма точные причины. В наше время, если у человека телефон не издаёт ни звука, это означает лишь одно: его до смерти раздражают любые сообщения. Ну или, проще говоря, его раздражают люди.

Но, вопреки ожиданиям Ли Чэня, Цзо Хэн не отмахнулся сразу, а погрузился в размышления.

Ого? Неужели есть шанс?

— Что ты дашь взамен? — наконец произнёс Цзо Хэн.

«Опять! Черносердечный истукан!»

«Истукан, который за одну-единственную конфетку пытался выкупить его душу!»

Ли Чэнь исполнился праведного гнева:

— Ты вообще человек или монстр?! Цзо Хэн, а как же элементарная одноклассническая взаимовыручка?!

Цзо Хэн столкнулся с незнакомым термином и вежливо уточнил:

— Что такое «одноклассническая взаимовыручка»?

«Всё ясно».

Тут даже объяснять ничего не надо было. Для Истукана никакой «однокласснической взаимовыручки» в природе не существовало.

Окончательно осознав всю беспросветность характера своего приятеля, Ли Чэнь с любопытством спросил:

— И что же, по-твоему, я должен отдать взамен?

Что вообще он мог предложить Цзо Хэну? Душу у него и так вымогали за мятную конфету, что теперь — бежать за пальчиковой морковкой?

Пока Ли Чэнь развлекал себя глупыми мыслями, Цзо Хэн выдоил из себя четыре слова, от которых у Ли Чэня едва глаза на лоб не вылезли:

— Прогресс на межшкольном совместном экзамене.

«Стоп, стоп, стоп!»

«Это что ещё за хитроумные педагогические многоходовки?!»

Ли Чэнь обомлел. В нормальных пацанских отношениях каждый первый норовит примерить на себя роль твоего бати, но Цзо Хэн пошёл дальше — он возомнил себя его личным репетитором!

С таким подходом этот Истукан рисковал остаться без друзей до конца своих дней.

«Как же ему повезло, что он встретил меня!»

— Тебе не кажется, — попытался намекнуть Ли Чэнь, — что ты перегибаешь палку?

На самом деле Ли Чэню жуть как хотелось продемонстрировать Цзо Хэну правильный формат пацанского общения, но тот всегда изъяснялся настолько письменно-книжным языком и ни разу при нем не витиевато сматерился, что Ли Чэнь просто не рисковал проверить, как Истукан отреагирует на классическое «сынок». Пришлось сдержаться.

Цзо Хэн, разумеется, никакой перегибки не ощущал. Он великодушно пояснил:

— Ничуть. Я составлю для тебя план подтягивания оценок, который не потребует особых усилий.

«Так, стоп... Классная дама твердила мне, чтобы я брал пример с Цзо Хэна, и тут он ни с того ни с сего начинает толкать мне речи об учебе...»

Ли Чэнь озарил подозрение:

— Погоди, с тобой что, классрук говорила?

Цзо Хэн подсознательно бросил взгляд в сторону учительского кабинета на углу коридора и искренне удивился:

— Зачем ей со мной говорить? У неё что-то случилось?

Значит, нет. Ли Чэнь немного смутился и решил объяснить, откуда растил ноги его вопрос:

— Ну, я тут на днях объяснительную носил, и классная сказала, мол, мне стоит больше у тебя учиться.

Услышав это, Цзо Хэн одарил Ли Чэня неапробирующим взглядом:

— И почему ты до сих пор сам ко мне не подошёл?

— А?

— А-а??

Ли Чэнь окончательно выпал в осадок.

Ну сказала учительница и сказала, кто вообще воспринимает подобные слова всерьёз и бежит донимать школьного гения? На дворе конец марта, второе полугодие выпускного класса, огромный табло-календарь перед учебным корпусом своим обратным отсчётом давит на мозги так, что жить тошно. Хотя в последнее время народ то и дело валяет дурака, пытаюсь хоть как-то разрядить обстановку, все понимают: это лишь побочный эффект предэкзаменационного психоза. Сами-то зубрили уже давно переключились в режим финального рывка. А он, Ли Чэнь, привык жить расслабленно и чувствовал себя в этом классе кем-то вроде массовой для создания фона. С какой стати он потащится отнимать драгоценное время у лучшего ученика школы?

Он и представить не мог, что Цзо Хэн окажется настолько прямолинейным.

— Ну-у... — Ли Чэнь судорожно соображал, как бы поадекватнее выкрутиться, и в итоге съехал на шутку: — Наверное, потому что я не хочу учиться чересчур усердно?

Цзо Хэн честно попытался промолчать.

Но сдержаться так и не смог.

Следуя принципу объективности, он сухо заметил:

— Я не хочу тебя обидеть, и если мои слова звучат бестактно, прошу прощения. Но я обязан сказать, Ли Чэнь: судя по моим наблюдениям, между твоим отношением к учёбе и словами «чересчур усердно» лежит очень, очень большая пропасть.

Ли Чэнь промолчал.

И это молчание было оглушительным.

Ну надо же, такой с виду истукан — а язык подвешен, как у заправского язвы!

Ещё и выделение это: «очень, очень большая»!

Да, доля правды в этом была, но он вообще-то gud morning, у него тоже есть гордость!

Цзо Хэн же остался абсолютно безмятежен. Высказав правду, он почувствовал лёгкое удовлетворение и вполне деловито перешёл к следующему пункту:

— На обеденном перерыве принеси мне свои бланки с объединенного экзамена. Все до единого.

С этими словами он развернулся и первым вошёл в кабинет.

«Эй, парень? Это вообще нормально?!»

И всё же на обеденном перерыве Ли Чэнь, сгребя в охапку свои экзаменационные работы с объединенного экзамена, покорно потащился к парте Цзо Хэна.

Не надо делать поспешных выводов: дело было вовсе не в отсутствии характера и тем более не в готовности плясать под чужую дудку. У него имелась вполне уважительная причина — ему просто стало безумно любопытно посмотреть, каков из этого Истукана выйдет учитель.

Цзо Хэн быстро просмотрел экзаменационные работы Ли Чэня с объединенного экзамена и застыл в легком изумлении. По самым скромным подсчётам, из-за банальной невнимательности и спешки Ли Чэнь растерял добрую полуторадюжину баллов. А в некоторых бланках отдельные задания и вовсе остались нетронутыми.

— Почему тут пусто? — уточняющим тоном спросил Цзо Хэн.

Ли Чэнь пожал плечами:

— Ну так звонок прозвенел, вот и забрали.

Цзо Хэн принялся всматриваться в лист:

— То есть это развёрнутое задание ты делать умел?

Ли Чэнь нагнулся, вчитался в условия и кивнул:

— Ага, умел.

Ему пришлось перечитывать условие, чтобы вспомнить, умел он его делать или нет.

Цзо Хэн проникся к нему искренним уважением.

Не успеть дописать развёрнутое задание, которое ты отлично знаешь... Случись такое с любым другим учеником, тот бы уже локти кусал, проклиная всё на свете и умоляя время повернуться вспять. В крайнем случае — ходил бы чернее тучи и самобичевался ещё недели две. Но только не Ли Чэнь. Этот парень сохранял олимпийское спокойствие.

Неужели действительно спокойствие?

Пристальный, оценивающий взгляд Цзо Хэна заставил Ли Чэня невольно напрячься:

— И какую планку ты мне задерёшь? Смотри у меня, ты обещался ставить только то, что я без труда осилю!

— Поднимем общий балл примерно на десятку, — решил Цзо Хэн, рассудив, что для старта стоит проявить сдержанность. — Будем двигаться шаг за шагом.

Ли Чэнь от удивления чуть не поперхнулся:

— Ну вы обо мне и мнения, уважаемый! Вы вообще хоть раз в жизни смотрели на списки ниже собственного имени? Знаете, сколько народу у нас в школе сражается за один-единственный балл? Десять баллов! Да я с таким приростом смогу усесться за один стол с первой двадцаткой!

— А почему ты не можешь за него усесться? — безничего откликнулся Цзо Хэн. — Ты и так сидишь у самого края этого стола. По-моему, тебе это вполне по силам.

Ого...

«По-моему, тебе это вполне по силам».

Ли Чэню отчего-то захотелось улыбнуться:

— Так сильно в меня веришь?

Цзо Хэн абсолютно спокойно кивнул, словно произнёс самую очевидную вещь на свете.

Ли Чэнь обомлел, даже не зная, что на это ответить.

Решив, что ситуация требует хоть какого-то напутствия, Цзо Хэн немного подумал и выдал:

— Учись усердно, каждый день делай шаг вперёд.

От этого затёртого лозунга из прошлых веков Ли Чэнь просто уткнулся лицом в парту Цзо Хэна и забился в бесшумном хохоте.

Они оба так увлеклись, что совершенно потеряли счёт времени, пока в класс не вошла учительница словесности:

— Так, приготовьтесь к уроку. Я знаю, что до звонка ещё пять минут, но если сядете сейчас и успокоитесь, как раз успеем настроиться. Ли Чэнь, ты почему опять на задних партах?

Ли Чэнь тут же подхватил свои листочки и сгруппировался, готовый удрать на место.

Однако, прежде чем он успел выдать какую-нибудь отговорку, учительница уже сделала собственные выводы из увиденного:

— О-о, консультируешься у Цзо Хэна по прошлым тестам? Замечательно! Вот именно так и надо — помогать друг другу, один в поле не воин! Так, чья у нас сегодня очередь делиться материалами для сочинений? Третий ряд закончил? Значит, идём по нашему «U-образному» маршруту, с конца второго ряда. Как раз, Цзо Хэн, твоя очередь.

Весь класс как по команде повернулся к Цзо Хэну.

После недавнего публичного разоблачения от Ли Чэня все в классе уже знали: статус Цзо Хэна на самом деле был признанием в любви.

Цзо Хэн. Признание в любви. Звучало жутковато, да и ощущалось, честно говоря, так же! Но надо признать — это было невероятно романтично.

Интересно, продолжит ли Цзо Хэн гнуть эту романтическую линию?

Цзо Хэн поднялся с места и со свойственным ему абсолютным спокойствием начал:

— Это казахская народная песня, она называется «Aynur Kalaykizi». Моё произношение неидеально, но примерный перевод названия — «О суетная жизнь, о бренный мир». Её главная тема — скоротечность юности и непредсказуемость человеческой судьбы. Ниже приведены отрывки из текста.

«Почему тема такая мрачная?!» — на лицах некоторых учеников уже проскользнуло разочарованное «Э-э?..».

Цзо Хэн, не обращая внимания на вздохи, ровным голосом зачитал:

— Жизнь течёт, словно река, унося прошлое, а-и-хо... Пусть сердце моё чисто, как солнце и луна, всё напрасно в этом мире. О суетная жизнь, о бренный мир, о мечты, угасшие до того, как успели вспыхнуть! А суженый мой бросил мою душу в пучину страданий.

При словах «суженый мой» по классу прокатилась волна выразительных «О-о-о-о!».

Суженый!

Вот она, романтика!

Цзо Хэн проигнорировал шум и продолжил чтение следующего отрывка:

— Чище воды и белее молока — кто же столь совершенен? Лишь младенец в пеленах не ведает греха в этом мире.

Последняя строчка прозвучала настолько проникновенно, что многие ученики тут же взялись за ручки, чтобы записать её, и смешки в классе быстро затихли.

— На этом у меня всё. Кроме того, я рекомендую послушать эту песню именно в исполнении

госпожи Айынур, оно очень красивое.

Сделав паузу, Цзо Хэн счёл нужным добавить небольшое уточнение:

— В ходе поиска информации я заметил, что в сети распространились слухи о смерти исполнительницы. На самом деле произошла путаница из-за схожести имён двух певиц. Госпожа Айынур жива и продолжает выступать, так что если при прослушивании вы столкнётесь с подобными новостями, не переживайте.

Весь класс замер в глубоком шоке.

Им не послышалось?

Неужели это сухое, заботливое предупреждение только что произнёс ледяной Цзо Хэн?

Эволюция бота прямо на глазах!

— Это у меня галлюцинации, или Бог Цзо и впрямь начинает смахивать на человека?

— Батя тоже в легком шоке.

— Не иначе как сила любви!

— Быстро! Уколите кто-нибудь себе палец иголкой! Проверьте, не сплю ли я!

— Вау, сила любви...

— Ты спишь, а иголкой тыкать нам? Ну ты и жук, нигде своего не упустишь!

— Это~ всё~ любовь~

— Возникает логичный вопрос: чья именно?

— Преданных фанатов стримов с морковкой, конечно!

— Вот именно! Пре-дан-ных!

— Да ну вас, при чём тут вообще стримы? Версия про Цзао-эра звучит куда правдоподобнее!

—... Ну, это другое.

— Вот именно, вообще другое!

— Чем же это другое?

— Мы на Бога Цзо просто чистым, возвышенным взором любимся. А Цзао-эр выглядит так, будто Хэнхэн его приворожил.

— Приворожил +1!

— Спасите! Не делайте из Цзо Хэна какого-то колдуна!

— Да не умеет он привораживать!

— Звонок! По коням, разбегаемся!

<http://bllate.org/book/19818/1990213>